

Глава 1

Поставив ногу на первую ступеньку лестницы, Грант остановился и прислушался к крикам, доносившимся с верхнего этажа. Крики сопровождались непрерывным глухим гулом, похожим на тот, что издает разбушевавшаяся стихия, например лесной пожар или вышедшая из берегов река. Ноги Гранта отказывались нести его наверх, и он сделал из этого неизбежный вывод: вечеринка удалась.

Он пришел сюда не ради вечеринки. Литературные сборища, даже самые солидные, с хересом, были не во вкусе Гранта. Он пришел сюда забрать Марту Халлард, чтобы повести ее обедать. Обычно, правда, полицейские не водят обедать ведущих актрис, выступающих в «Хаймаркете» и «Ол-двике», даже если этот полицейский — инспектор уголовного розыска из Скотленд-Ярда. Столь привилегированное положение Гранта объяснялось тремя причинами, и он знал их — все три. Во-первых, он был весьма видным мужчиной, во-вторых, мог себе позволить обед у Лорана, и, в-третьих, Марте Халлард было не так-то легко заполучить кавалера. Она занимала заметное место в театральной среде, была необыкновенно элегантна, но мужчины боялись ее. Поэтому, когда Грант, тогда еще сержант уголовного розыска, в связи с делом об украденных драгоценностях появился в жизни Марты, она проследила, чтобы потом он уже не исчезал. И Грант с радостью остался. Если он был полезен Марте в качестве кавалера, когда ей требовался таковой, она была еще более полезна ему в качестве окна в мир. Чем больше

окон в мир имеет полицейский, тем, естественно, лучше он может выполнять свою работу, и Марта как бы служила прорезью для глаз в капюшоне прокаженного, через которую Грант мог заглянуть в театральный мир.

Шум успешно протекавшей вечеринки выплескивался через открытые двери на лестничную площадку. Грант остановился и окинул взглядом орущих людей, плотно, как сельдь в банке, набившихся в длинную, убранную в георгианском стиле комнату. Как бы ему выудить оттуда Марту?

Сразу за дверьми, явно ошарашенный тем, что перед ним оказалась сплошная стена говорящих и пьющих представителей человечества, стоял молодой человек. Вид у него был совершенно потерянный. Шляпу свою он все еще держал в руках, значит, только что пришел.

— Затруднения? — спросил Грант, поймав его взгляд.

— Я забыл свой мегафон, — ответил молодой человек.

Он произнес это, слегка растягивая слова и не утруждая себя попыткой перекричать общий шум. Однако благодаря высокому тембру голос молодого человека оказалось легче расслышать, чем если бы он орал. Грант, уже с одобрением, снова взглянул на него.

«Очень красивый молодой человек, — присмотревшись, отметил Грант. — Слишком светловолос для настоящего англичанина. Может быть, норвежец?»

Или американец. Что-то заокеанское было в том, как он произнес «забыл».

За окном уже начал синеть ранний весенний вечер и зажглись фонари. Сквозь туман сигаретного дыма в дальнем конце комнаты Грант смог разглядеть Марту, слушавшую Таллиса, драматурга. Он рассказывал ей о своих персонажах так, словно это были члены королевской семьи. Гранту не нужно было слышать Таллиса, он и так знал, что тот говорит о своих персонажах. Таллис всегда говорил только об этом. Таллис мог, не задумываясь, сказать, что сотворил второй состав труппы с его «Ужином для троих» в первый день

Пасхи в Блэкпуле в 1938 году. Марта перестала даже делать вид, будто слушает. Уголки ее рта были опущены. Грант подумал, что она заслуженно стала кандидатом в кавалеры ордена Британской империи 2-й степени. Однако, если вручение не произойдет в самое ближайшее время, Марте, увы, придется делать пластическую операцию. Он решил оставаться там, где стоял, пока не удастся поймать ее взгляд. Они оба были высокого роста и могли переглядываться поверх голов остальной толпы.

По укоренившейся профессиональной привычке полицейского Грант обежал глазами разделявших их людей, но ничего интересного не обнаружил. Обычное сборище. Весьма процветающая издательская фирма «Росс и Кромарти» отмечала выход в свет двадцать первой книги Лавинии Фитч, а поскольку фирма процветала в большой степени благодаря Лавинии, то и напитков было много, и гости были солидные. Солидные — в смысле хорошо одетые и с громкими именами, так сказать. Публику, которая завоевала положение в обществе лишь недавно, не приглашали отмечать рождение «Любовника Морин» и пить шерри господ Росса и Кромарти. Даже Марта, несомненно кавалер ордена Британской империи в ближайшем будущем, была здесь только потому, что в деревне жила по соседству с Лавинией. А Марта, благослови Господь ее черно-белую элегантность и недовольный вид, скорее, чем кто-либо другой в этой комнате, могла претендовать на принадлежность к высшему классу. Так что, вероятно, этот незнакомый ему молодой человек помимо своей миловидности обладал еще чем-то. Интересно, как он зарабатывает себе на жизнь? Актер? Но актер не будет в полном недоумении стоять с краю. И что-то просквозило в его замечании о мегафоне и в отстраненности, с которой он наблюдал происходящее и которая как бы отделяла его от толпившихся вокруг людей. Возможно ли, подумал Грант, чтобы такие скулы пропадали в брокерской конторе? Или это мягкий свет дорогих ламп господ Росса и Кромарти очертил так кра-

сиво прямой нос и прямые светлые волосы, а при дневном свете молодой человек выглядел бы менее привлекательным?

— Вы мне не скажете, — вдруг обратился он к Гранту, по-прежнему не повышая голоса, — кто здесь мисс Лавиния Фитч?

Лавиния, маленькая женщина с желтоватой кожей, стояла у среднего окна. Она купила себе для этого случая модную шляпку, но ничего не сделала, чтобы приспособить ее к своей голове, и шляпка торчала на ее взлохмаченных рыжих волосах, похожих на воронье гнездо. Казалось, будто шляпка упала на них откуда-то сверху, из окна, когда хозяйка шла по улице. На лице у Лавинии Фитч было обычное выражение радостного изумления — и никакой косметики.

Грант показал на нее молодому человеку.

— Вы впервые в Лондоне? — спросил он, заимствуя фразу из добропорядочных вестернов. Вежливая форма «мисс Лавиния Фитч» могла родиться только в США.

— Вообще-то я ищу племянника мисс Фитч. Я смотрел в телефонном справочнике, но там его нет, вот я и надеялся, что увижу его здесь. Вы случайно не знакомы с ним, мистер...

— Грант.

— Мистер Грант?

— Я знаю его в лицо. Здесь его нет. Вы ведь имеете в виду Уолтера Уитмора?

— Да. Уитмор. Я его совсем не знаю, но мне очень хотелось бы увидеться с ним, потому что у нас есть — я хочу сказать, был — общий друг. Мне казалось, он придет сюда. Вы совершенно уверены, что его здесь нет? Народу-то тут много.

— В этой комнате его нет. Уверен, потому что Уитмор такого же высокого роста, как я. Но он может быть где-нибудь поблизости. Послушайте, вам стоит подойти к мисс Фитч. Мы, наверное, сможем пробиться сквозь баррикады, если проявим решимость.

— Тогда тараньте, а я постараюсь проскользнуть, — заявил молодой человек, имея в виду разницу их весовых ка-

тегорий. — Это очень мило с вашей стороны, мистер Грант, — добавил он, когда они вынырнули где-то на полпути вдохнуть воздуха и оказались притиснуты друг к другу живой изгородью из чужих локтей и плеч. Потом он рассмеялся, увидев беспомощность Гранта. А Грант неожиданно смутился. Так смутился, что тут же повернулся и стал проталкиваться сквозь человеческие джунгли к просвету у среднего окна, где стояла Лавиния Фитч.

— Мисс Фитч, — произнес Грант, — здесь молодой человек очень хочет поговорить с вами. Он пытается найти вашего племянника.

— Уолтера? — спросила Лавиния, и ее заостренное личико потеряло туманное выражение безотносительного благорасположения ко всем вообще и приобрело реальную заинтересованность.

— Меня зовут Сирл, мисс Фитч. Я приехал из Штатов в отпуск, и мне хотелось повидать Уолтера, потому что Куни Уиггин был и моим другом тоже.

— Куни! Вы друг Куни? О, дорогой, Уолтер будет в восторге, просто в восторге. О, какой приятный сюрприз посреди всего этого... Я хочу сказать, все так неожиданно. Уолтер обрадуется. Вы говорите — Сирл?

— Да. Лесли Сирл. Я не нашел Уолтера в справочнике.

— Да, в городе квартира у него только на всякий случай. Он живет в Сэлкотт-Сент-Мэри, как и все мы. Знаете, там у него ферма. Ферма, о которой он делает радиопередачи. Вообще-то это моя ферма, но он занимается ею и рассказывает о ней по радио, и... У него сегодня передача во второй половине дня, поэтому он и не пришел на вечеринку. Вы должны приехать к нам и погостить. Приезжайте на этот уик-энд. Поедемте сегодня вечером вместе с нами!

— Но вы же не знаете, а вдруг Уолтер...

— Вы ведь не приглашены куда-нибудь на этот уик-энд?

— Нет, нет. Но...

— Вот и хорошо. Уолтер будет возвращаться из студии, а вы можете поехать с Лиз и со мной в нашей машине. Вот Уолтер удивится! Лиз! Лиз, дорогая моя, где ты? Где вы остановились, мистер Сирл?

— В «Уэстморленде».

— Что может быть удобнее! Лиз! Где же Лиз?

— Я здесь, тетя Лавиния.

— Лиз, дорогая, это Лесли Сирл. Он едет к нам на уик-энд. Ему хочется встретиться с Уолтером, потому что оба они были друзьями Куни. А сегодня пятница, и мы все едем в Сэлкотт-Сент-Мэри, чтобы прийти в себя от... чтобы пожить славно, спокойно, мирно, так что ничего не может быть удобнее. Поэтому, Лиз, дорогая, отвези его в «Уэстморленд», помоги ему уложить вещи, и возвращайтесь за мной, ладно? К тому времени эта... вечеринка наверняка закончится, вы сможете забрать меня, и мы поедем вместе в Сэлкотт. То-то удивится Уолтер!

Грант заметил, что молодой человек с интересом взглянул на Лиз Гарроуби, и слегка призадумался. Лиз была простенькой девушкой небольшого роста, со смугловатым лицом. Правда, у нее были замечательные глаза, ярко-голубые, цвета вероники, совершенно удивительные, и такое лицо, что всякому мужчине захотелось бы пройти по жизни с женщиной, у которой такое лицо. Она была славной девушкой, Лиз. Но не той особой, на которую молодые люди немедленно обращают внимание. Может быть, до Сирла просто дошли слухи о ее помолвке, и он смотрел на нее, потому что это невеста Уолтера Уитмора. Грант потерял интерес к семейству Фитч, как только заметил, что Марта увидела его. Он показал глазами, что встретит ее у дверей, и снова нырнул в душливые волны человеческого моря. Марта, из них двоих обладавшая более безжалостным характером, преодолела дистанцию до двери вдвое быстрее и ждала Гранта у входа.

— Кто этот красивый молодой человек? — спросила она, оглянувшись, когда они продвигались к лестнице.

— Он ищет Уолтера Уитмора. Говорит, что он друг Куни Уиггина.

— «Говорит»? — повторила Марта с оттенком язвительности, направленной не на молодого человека, а на Гранта.

— Осторожность полицейского, — сказал Грант извиняющимся тоном.

— А кто такой Куни Уиггин?

— Куни был одним из известнейших фоторепортеров в Штатах. Его убили, когда он снимал очередную драку на Балканах год или два назад.

— Все-то вы знаете.

У Гранта на кончике языка вертелось: «Это знают все, кроме актрис», но ему нравилась Марта. Вместо этого он сказал:

— Я понял так, что он отправляется в Сэлкотт на уик-энд.

— Красивый молодой человек? Ну-ну. Надеюсь, Лавиния понимает, что делает.

— А что плохого в том, что он там будет?

— Не знаю, но мне кажется, они рискуют собственной удачей.

— Удачей?

— Все получилось так, как им хотелось, не правда ли? Уолтер спасся от Маргерит Марриам и собирается осесть, женившись на Лиз. Вся семья вместе в старой усадьбе — сплошная идиллия, не передать словами. Не время приводить в дом бесподобно красивых молодых людей, сдается мне.

— Потрясающих, — пробормотал Грант, еще раз задумавшись над тем, что так смутило его в облике Сирла. Вряд ли просто красивое лицо. Смазливой внешностью полицейского не удивить.

— Держу пари, Эмма только взглянет на него — и выставит из дома в понедельник утром, сразу после завтрака, — заявила Марта. — Ее любимица Лиз выходит замуж за Уолтера, и Эмма сделает все, чтобы этому ничто не помешало.

— Лиз Гарроуби не произвела на меня особого впечатления. Не понимаю, чего миссис Гарроуби беспокоиться.

— И не поймете. Этот юноша произвел впечатление на меня за какие-то тридцать секунд на расстоянии в двадцать ярдов, а меня считают практически непробиваемой. Кроме того, я никогда не поверю, что Лиз и правда влюбилась в это бревно. Просто она хотела подлечить его разбитое сердце.

— А оно было здорово разбито?

— Встряска была изрядная, должна сказать. Как и следовало ожидать.

— Вы когда-нибудь играли на сцене с Маргерит Марриам?

— О да, много раз. Мы вместе довольно долго играли в «Прогулке в темноте». Вон идет такси.

— Такси! Как вы относились к ней?

— К Маргерит? Она, без сомнения, была сумасшедшая.

— Как — «сумасшедшая»?

— На все сто.

— В каком смысле?

— Вы имеете в виду, как это проявлялось? О, полное безразличие ко всему, кроме того, чего ей хотелось в данный момент.

— Это не сумасшествие. Это просто криминальный способ мышления в своем самом чистом проявлении.

— Ну, вам виднее, дорогой. Может быть, она была преступницей *manque*¹. Но что несомненно, так это то, что она была сумасшедшей, как старатель-одиночка. Даже Уолтеру Уитмору я не пожелала бы страшной судьбы оказаться ее мужем.

— За что вы терпеть не можете любимца британской публики?

— Дорогой, я не переносу, как он тоскует. Это было достаточно скверно, когда он тосковал среди чабреца на склонах Эгейских холмов, а пули свистели у него над ухом. Я всегда подозревала, что он делал это, шелкая бичом...

— Марта, вы потрясаете меня.

¹ Несостоявшийся (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Нисколько, дорогой, нисколько. Вы знаете это не хуже меня. Когда в нас — во всех! — стреляли, Уолтер позаботился о том, чтобы иметь возможность спрятаться в славленной комнатке в пятидесяти футах под землей. А каждый раз, чуть только опасность миновала, Уолтер вылезал из своего маленького убежища и усаживался на поросший чабрецом склон холма — с микрофоном и бичом, с помощью которого он изображал, как свистят пули.

— Боюсь, вскоре мне придется взять вас на поруки.

— За убийство?

— Нет, за клевету.

— И за это надо брать на поруки? Я думала, что это совершенно джентльменский поступок, за который в худшем случае могут лишь вызвать в суд.

Грант подумал о том, как все же неподражаемо невежество Марты.

— Хотя это могло быть и убийство, — произнесла Марта тем воркующе-задумчивым голосом, который принес ей сценическую известность. — Пожалуй, я бы могла вынести чабрец и пули, но теперь, когда он взялся рассуждать о весенних всходах, дятлах и всем таком прочем, он вырастает до размеров общественной угрозы.

— Зачем вы его слушаете?

— Ну, в этом есть что-то отвратительно-притягательное. Человек думает: ладно, это уже предел безобразия, хуже не может быть ничего. А на следующей неделе слушает и видит, что может быть хуже. Так что на следующей неделе уже слушаешь, может ли быть еще хуже. Это ловушка. Настолько мерзко, что невозможно выключить. С нетерпением ждешь очередной порции безобразия и еще следующей. И когда он объявляет о конце передачи, все еще слушаешь.

— Марта, а это не может быть просто профессиональной ревностью?

— Вы считаете, что этот тип — профессионал? — переспросила Марта, понизив тон на квинту, так что ее голос за-